

Л. Г. Мощенская (г. Минск)

Медленное чтение и интерпретация текста (на материале «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя

В свое время Б. В. Томашевский доказывал несостоятельность метода медленного чтения разработанного Гершензоном и апробированного им применительно к произведениям Пушкина. При медленном чтении нарушается ритм стихотворной речи; фраза отягощается смыслами, которые вытекают из контекста; возникают субъективные паразитические ассоциации, не являющиеся результатом взаимодействия автора и читателя; «упаковочный материал» выдвигается на первый план, что приводит к переоценке слов и перегрузке значений; устанавливаются фиктивные корреляции между внешне схожими элементами художественных произведений; переоцениваются вторичные признаки; эстетический объект подменяется психологическим: вместо изучения художественного значения произведения анализируется психологическая личность автора; искажается соразмерность частей произведения, что может превратить прозрачное произведение в ребус, загадочную картинку (1, 64–70).

Нет идеального метода изучения художественного текста, каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны. Определенная доля субъективности присутствует в любом научном исследовании, особенно художественных произведений, на которое неизбежно накладывает свой отпечаток мировосприятие и самого исследователя. И все же метод медленного чтения имеет свои достоинства. Только путем медленного, внимательного, неоднократного прочтения текста вдумчивый читатель может проникнуть в его изобразительное пространство (город, село, «вещный» мир, занятия, досуг, развлечения, пейзажные структуры, соотношения хронотопа и исторического времени) и знаковое (язык, универсальные приемы изобразительности и выразительности, символы, мифологемы), персонажный слой, мир авторских ощущений и пр. Медленное чтение приводит к выявлению повторяющегося цитатного слоя текста, но каждый повтор раскрывает некий новый

аспект в фрагментах, и сам факт повтора свидетельствует об особой их роли в смысловом пространстве текста. Оно помогает воспринимающему сознанию глубже проникнуть в текстовое и внетекстовое пространство, потому что многие детали при обычном чтении остаются незамеченными читателем, и он не может в большей степени приблизиться к адекватному декодированию авторского текста к выявлению его смысловой и формальной структуры. Продуктивность метода медленного чтения при изучении художественных текстов подтверждена прекрасными работами В. Н. Топорова (2002).

Только медленное чтение может раскрыть несбалансированность космоса Миргорода и его составляющих в “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” И. В. Гоголя, которая зашифрована автором в двух эпиграфах, относящихся ко всему циклу повестей “Миргород”: 1. *Миргород нарочито невеликий при реке Хороле город. Имеет 1 канатную фабрику, кирпичный завод, 4 водных и 45 ветряных мельниц (География Зябловского).* 2. *Хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны (Из записок одного путешественника).* Эти эпиграфы приводили и, возможно, приводят в недоумение критиков и исследователей творчества В. Гоголя. Критик П. И. Юркевич (1835) писал, что автор придал книге “два самые страшные эпиграфа. <...> Нынче в моде щеголять странностью эпиграфов, которые не имеют ни малейшего отношения к книге” [3, 106]. Можно не согласиться с критиком, т. к. эпиграфы имеют с повестями непосредственную связь с содержанием Повести, несмотря на то, что некоторые составляющие вещного мира (канатная фабрика, кирпичный завод) в ней отсутствуют. В тексте есть упоминания о бубликах, которыми Иван Иванович угощает Гапкиных детей, и опосредованно присутствуют мельницы. Хозяйственный Иван Иванович поставляет муку в городской магазин, а обыватели любят играть в “мельники”. Однополярность культурного пространства Миргорода, представленная только рациональной составляющей, прогнозируется эпиграфами, которые органически входят в семантическую и образную структуру произведения. На наш взгляд, не совсем точно определяет идейное, смысловое значение эпиграфов к “Миргороду” и современный исследователь творчества Н. В. Гоголя И. Виноградов: они “призваны как бы документально засвидетельствовать “простоту” и при этом подчеркнуть самодостаточность миргородского быта” [3, 118]. Вся логика Повести приводит к убеждению, что бытовой мир без духовной составляющей не может быть самодостаточным, не может развиваться и неизбежно приводит к краху мироздания Миргорода в целом.

Рациональная сторона миргородского пространства раскрыта в Повести очень убедительно. Читателю создается полное представление о частных и общественных домах Миргорода, о хозяйственных постройках; крышах, крытых соломой, очеретом и даже железом; узких улицах, украшенных репейниками; плетнях (*везде прекрасный плетень; на нем вьется хмель, на нем висят горшки*); домашней птице и животных; овощах и фруктах; почтенных гражданах и простых обывателях; о еде, разных способах настаивания водок и марок вин (*пирог со сметаной, мнишечки со сметане, утрибок, индейка со сливами и изюмом, борщ с голубями, балык, икра, селедка; персик, шафранная, настоящая на золототысячник* и пр.); о своеобразных ритуалах чаепития, съедении дынь; угощения табаком из табакерок, рожков, кисетов, который большинство обитателей нюхают; о том, кто, например судья, нюхал и курил; об одежде почтенных жителей и их крепостных в средствах передвижения на разнообразных бричках, повозках и подобиях карет во время препровождения (*лежат, ходят друг к другу в гости на рюмку водки, ловят перепелки, делают деревянную посуду* и пр.); о разговорах на самые занимательные темы (*о погоде, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах; о славном дрозде, который стал картавить, хрипеть, – и выбрось* и пр.). Читатели имеют полное представление о работе уездного суда (В часы присутствия судья занимается занимательными разговорами с подсудком, подписывает решения, совершенно вслушиваясь в суть дела; после заседания канцелярские укладывают в мешок нанесенных просит

кур, яиц, краях хлеба, пирогов, книшей, и прочего дрязгу) и губернской палаты; исполн служебного долга городничим и обывателями (*Мой долг – повиноваться требова правительства; Мой долг, словом, обязанность требует смотреть за чистотою; за порядк благочиния; но свиней и козлов я еще в прошлом году дал предписание не пускать на публи площади. Которое предписание тогда же приказал прочитать изустно, в собрании, перед ц народом*). Все эти детали общественной, социальной и бытовой жизни Миргорода пронизыв культурное пространство текста и складываются в великолепное целостное мозаичное пол ювелирной изобразительности и выразительности.

Духовный полюс в культурном пространстве Миргорода элиминирован. Из сферы просвещ и музыкального искусства в тексте упоминается *книга и скрипка*. В городе имеется единственная книга, печатанная у *Любия Гария и Попова*, без названия, потому что *девка очень давно оторвала верхнюю часть заглавного листка, забавляя дитя*, которую в свободное в постоянно читает самый просвещенный обыватель Иван Иванович и не может прочесть. Хозяи скрипки недолгое время был Антон Прокофьевич, променявший своих лошадей на *скрип дворовую девку, потом скрипку продал, а девку променял на кисет сафьянный с золотом*. В культурном пространстве Повести отсутствуют школа, библиотека, газеты, книги, а между т реальном Миргороде, как уездном городе, должна была существовать культурная сред образовательные учреждения. Недаром жители Миргорода возмущались *Повестью Н. Н. Го* “Как! Миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, минист путешественников вокруг света <...>, проповедников <...>, водевилиста, который начал пи водевили, когда их не писали и в Париже», а писатель изобразил их, как “будто бы они глуп невежественнее всех в Полтавской губернии” [3, 110].

Миргород – православный город, но религиозные чувства обывателей формал христианскими делами и приращением своей духовности они не занимаются. Самый богомол обыватель Миргорода Иван Иванович Перерепенко, бывший семинарист и попович, ка воскресение посещает церковную службу (литургию), на клиросе *очень хорошо подтягивает ба* но совершенно не в состоянии *по своей скаредности* подать милостыню хотя бы одному нищему подходит к каждому из них с одними и теми же расспросами, удовлетворяя свое неиссяка любопытство и разжигая надежду на помощь у голодного человека (*откуда ты – чего же пришла сюда – разве тебе хочется хлеба – может, и мяса хочется – разве мясо лучше хле ступай же с Богом – ведь я тебя не бью*) и возвращается домой. Богобязненный Иван Иван живет в грехе с *беззаконной девкой Гапкой*, у которой неизвестно откуда появляются дети, а никогда не был женат и детей не имеет. Оба друга считают православную веру единств праведной, и прежде чем купить у жида эликсир против блох, всегда *выбранят <...> его хороше за то, что исповедует еврейскую веру*. И разговор двух приятелей о внешнеполитических собы России также характеризует их преданность своей вере (– *<...> три короля объявили войну н нашему, <...> хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру. – Вишь, дурни, чего захотели! – видите, а царь наш нет, говорит, примите вы сами веру Христову!*). Бездуховная жизнь порожд мелочную ссору, разрушившую идиллическую жизнь миргородской социальной элиты. Г неспособны к христианскому прощению обиды. Последний раз повествователь встречает быи приятелей осенью в церкви Трех Святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Ио Златоуста, обладающих великою силою примирения враждующих сторон, т. к. святители ч несколько столетий после своего успения устранили распрю о них среди православных христи Константинополе в XI в. Но и в святом месте Иван Иванович и Иван Никифорович продолж враждовать.

Только медленное чтение позволяет проникнуть во временное пространство Повести и соотнести его с реальным, историческим. Два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода поссорились летом 1810 г. *Июля 7 дня* Иван Иванович подал позов на Ивана Никифоровича. В течение двадцати лет эта тяжба разъедает жизнь города. За это время отгремела Отечественная война 1812 г., русские войска вернулись из Парижа, произошли события 25 декабря 1825 г., восстание в Польше, а два Ивана и все миргородские обыватели не имеют ни малейшего представления о внешних событиях, свершившихся в стране. На историческом фоне особую символическую значимость приобретают «политическая» беседа двух героев перед ссорой о трех королях (в историческом времени уже произошли сражения под Шенграбеном и Аустерлицем объединенных армий Австрии, Германии и России с Наполеоном). Несбалансированность культурного пространства является основным признаком, определяющим все последующие характеристики миргородского космоса, которые полностью осознаются только в процессе медленного чтения.

Резко изменившаяся эмоциональная шкала текста от беззаботно-восторженного восприятия жизни, сфокусированного в описании замечательной бекешки, до горестного раздумья о безысходности человеческого существования, основанного только на ценностях вещного мира, составляет эмоциональный тон повествования.

Бездуховное существование Миргорода символизирует отрицательный опыт развития однополюсной культуры и выражает авторскую идею о необходимости духовной жизни и истинной христианской любви.

Интерпретация текста читателем, его декодирование и осмысление на идеальном уровне является нереальным, т. к. автор и читатель, даже живущие в одном временном средине, пользующиеся одним естественным языком, не обладают «тождественным кодом»: у них не совпадает языковой опыт, объем языковой памяти, по-разному проявляется активность речевой деятельности. Расхождение еще более усиливается, если время создания текста и его восприятия разделяется рамками, разводящими автора и читателя по разным культурным традициям и периодам языкового развития (4, 147). И тем не менее по сравнению с про-чтением медленное чтение приближает читателя к недостижимому уровню интерпретации художественного текста адекватно авторскому замыслу.

Литература

1. Томашевский Б. В. Интерпретация Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. – М., 1990. – С. 64–70.
2. Топоров В. Н. Древнеиндийская драма Шудраки «Глиняная повозка»: Приглашение к медленному чтению. – М.: Наука, 1998. – 414 с. и др.
3. Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель. Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000.
4. Лотман Ю. М. Текст как смыслопорождающее устройство // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- 5.

Опубликовано: Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин. Материалы 3 международной научной конференции 12 – 13 мая 2005 г. – Мозырь. – С. 52 – 54.